

СТЁРТАЯ
РАСКЛОТАЯ
РАЗРУШЕННАЯ

*Грэму, который не знал,
с чем он связывается,
но все равно связался.*

ПРОЛОГ

Я бегу.

Волны цепляются за песок. Я выношу вперед одну ногу, потом другую. Карабкаюсь вверх, соскальзываю, опять карабкаюсь. Быстрее. Взгляд зацепился за дюны впереди. Не оглядываться. Смотреть нельзя. Дыхание рваное: вдох, выдох, вдох, выдох. Но все равно я бегу.

И вот когда легкие уже готовы лопнуть, а сердце взорваться алой звездой на песке, я спотыкаюсь.

Мужчина оборачивается. Поднимает меня, ставит на ноги и заставляет бежать дальше.

Ближе, ближе...

Сил держаться нет, и я снова падаю. Больше не могу.

Он опускается на колени, поддерживает, смотрит мне в глаза.

— Пора. Теперь быстрее! Выкладывай стену. Ближе.

Выкладываю стену. Кирпич за кирпичиком. Ряд за рядом. Строю высокую башню, как у Рапунцель, но без окон, так что опустить волосы некуда.

Тери Терри

Без шансов на спасение.

— Не забывай, кто ты! — кричит он. Хватает за плечи. Встряхивает.

Волна ужаса смывает море. Песок. Его слова, синяки на руках, боль в груди и ногах.

Все здесь.

ГЛАВА 1

Странно.

Ладно, пусть мне недостает опыта, на основе которого можно строить такое заключение. Пусть мне шестнадцать, и я не заторможенная и не тупая, и меня не запирали с детства в кладовке — насколько я знаю, — но зачистка есть зачистка. Она лишает тебя жизненного опыта.

Чтобы все перестало быть впервые, требуется какое-то время. Первые слова, первые шаги, первый паук на стене, первый ушибленный палец. Ну, ты понимаешь: все впервые.

Так что сегодняшнее ощущение — странное и незнакомое — может быть из того же ряда.

Я сажу, кусаю от волнения ногти и жду, когда мама, папа и Эми заберут меня из больницы и увезут домой. Вот только не знаю, кто они. Не знаю, где «дом». Вообще ничего не знаю. Разве такое не странно?

Бззззз. На запястье мягко вибрирует «Лево» — предупреждение. Опускаю глаза. Смотрю. Уровень психоэмоционального состояния упал до 4.4, ниже черты довольства. Кладу в рот квадра-

тик шоколада — вкус наслаждения. Смотрю — показатель понемножку повышается.

— Будешь много нервничать — поправишься.

Вздрагиваю.

У двери стоит доктор Лизандер. Высокая, худая, в белом халате. Темные волосы стянуты на затылке. Очки с толстыми стеклами. Она скользит, неслышная, как призрак — об этом говорят только шепотом, — и как будто всегда заранее знает, когда кто-то, как здесь говорят, уйдет в красное. Но она не такая, как некоторые из медсестер, которые могут вытащить тебя одними объятиями. Милой ее точно не назовешь.

— Пора, Кайла. Идем.

— А это обязательно? Можно мне остаться?

Она качает головой. Нетерпеливый взгляд, словно говорящий: я слышала это миллион раз. Или, по крайней мере, 19417, потому что 19418 — номер на моем «Лево».

— Нет. И ты знаешь, что это невозможно. Комната нужна другим. Идем.

Она поворачивается, выходит за дверь. Я беру сумку. Она легкая, хотя в ней все, что у меня есть.

Прежде чем закрыть дверь, осматриваюсь. Мои четыре стены. Две подушки, одеяло. Шкаф. Раковина с отбитым уголком — единственное, что отличает мою комнату от других таких же, растянувшихся по бесконечному коридору на этом и других этажах. Первые вещи, которые я помню.

Целых девять месяцев это моя вселенная. Моя комната и еще офис доктора Лизандер, спортзал и школа этажом ниже для таких же, как я.

Бзззз. На этот раз сигнал более настойчивый, вибрация ощутимее. Прибор требует моего внимания. Уровень опустился до 4.1.

Слишком низко.

Доктор Лизандер оборачивается и негромко цокает языком. Потом наклоняется, так что мы оказываемся лицом к лицу, и прикладывает ладонь к моей щеке. Еще одно первое воспоминание.

— У тебя все будет хорошо. В первое время мы будем видеться каждые две недели.

Она улыбается. Редкая для ее губ растяжка выглядит неуместно, будто ей некомфортно, будто она сама толком не знает, как оказалась здесь и что делать дальше. Я так удивлена, что забываю про свои страхи и начинаю уходить от красного вверх.

Доктор Лизандер кивает, выпрямляется и идет по коридору к лифту.

Мы молча спускаемся на первый этаж и проходим по короткому коридору к еще одной двери. Здесь я раньше не бывала — по понятным причинам. Над дверью табличка с надписью «ОБРАБОТКА и ВЫПУСК». Того, кто прошел через эту дверь, здесь больше не увидят.

— Иди, — говорит она.

Колеблюсь, потом толкаю дверь. Оборачиваюсь — сказать «до свидания» или «пожалуйста»,

не бросайте меня», но она уже исчезает в кабине лифта, и мне остается только краешек белого халата и темных волос.

Сердце стучит слишком быстро. Я вдыхаю и выдыхаю и каждый раз, как нас учили, считаю до десяти, пока оно не начинает замедлять бег. Потом расправляю плечи и раскрываю дверь пошире. За порогом — длинная комната с дверью в дальнем конце, вдоль одной стены — пластиковые стулья. На стульях двое Зачищенных, перед каждой на полу такая же, как у меня, сумка на ремне. Я знаю обеих по занятиям, хотя и нахожусь здесь дольше. Как и я, они сменили голубые хлопчатобумажные комбинезоны, нашу обычную форму, на джинсы. Еще одна форма? Они улыбаются, рады, что уходят наконец из больницы в семьи.

И не важно, что раньше они не встречались.

Медсестра за столом у другой стены поднимает голову. Я стою на пороге, медлю и не даю двери закрыться. Она едва заметно хмурится и машет мне рукой, приглашая войти.

— Проходи. Ты Кайла? Прежде чем я тебя выпишу, нам нужно отметитья, — говорит она и широко улыбается.

Заставляю себя подойти к ее столу. Дверь с шорохом закрывается у меня за спиной. «Лево» вибрирует. Медсестра берет мою руку и сканирует прибор. Вибрация усиливается, уровень падает до 3.9. Она укоризненно качает головой, держит меня одной рукой, а другой втыкает шприц в плечо.

— Что это? — спрашиваю я, отстраняясь, хотя и знаю, в чем дело.

— Так, кое-что. Удержит уровень, пока ответственность за тебя возьмут другие. Садись и жди, когда назовут твое имя.

В животе все урчит и ворочается. Я сижу. Двое других смотрят на меня широко открытыми глазами. Чувствую, как по венам разливается «хэппи джус», как снижается напряжение. Показатели постепенно подтягиваются до 5, но мысли от этого не останавливаются.

Что, если я не понравлюсь родителям? Даже когда я стараюсь по-настоящему — а это, по правде говоря, далеко не всегда, — расположить к себе людей мне бывает трудно. Их раздражает, когда я говорю или делаю не то, чего они ожидают.

Что, если они не понравятся мне? Я ничего о них не знаю, кроме имен. У меня одна фотография — висела в рамке на стене в больничной комнате, а теперь лежит в сумке. Дэвид, Сандра и Эми Дэвис — папа, мама и старшая сестра. Они улыбаются в камеру и выглядят людьми довольно приятными, но кто знает, какие они на самом деле?

Но, в конце концов, все это не имеет значения, потому что, какими бы они ни были, я должна понравиться им.

Других вариантов нет.

ГЛАВА 2

Процедура обработки довольно проста: меня сканируют, фотографируют и взвешивают. Потом снимают отпечатки пальцев.

Выпуск — дело другое. Сопровождающая медсестра объясняет, что я должна поздороваться с папой и мамой, потом мы подпишем кое-какие документы, станем одной большой и счастливой семьей и будем жить долго и счастливо. Есть только одна проблема, и я, конечно, замечаю ее сразу: что, если они посмотрят на меня и откажутся подписывать бумаги? Что тогда?

— Стой прямо! И улыбайся, — шипит медсестра и толкает меня за порог.

Изображаю широкую улыбку, хотя и знаю, что толку от нее никакого: напуганная и несчастная, я не стану вдруг прекрасной и счастливой — скорее буду выглядеть слабоумной.

Останавливаюсь у двери. А вот и они. Я почти ожидаю увидеть их такими же, как на фотографии, в той же одежде, как кукол. Но нет, одеты они по-другому, и стоят в других позах, и детали

бросаются в глаза и требуют внимания: всего слишком много, и все грозит отбросить меня в красную зону, хотя в моих венах еще держится «хэппи джус». В ушах звучит усталый голос учительницы, снова и снова, как будто она стоит рядом, повторяющей одни и те же слова: «Не все сразу, Кайла. По шажочку».

Я сосредотачиваюсь на их глазах и оставляю все остальное на потом. У папы они серые, непроницаемые, спокойные; у мамы — мягкие, светло-карие, в крапинку, нетерпеливые, как у доктора Лизандер, ничего не упускающие. И моя сестра... Глаза у нее широкие и темные, почти черные; смотрят на меня с любопытством. Кожа — словно шоколадный бархат, теплая и как будто светится. Когда, несколько недель назад, прислали фотографию, я спросила, почему Эми так не похожа на родителей, и получила резкий ответ, что, мол, раса не важна и обращать на это внимание или комментировать в нашей восхитительной Центральной Коалиции считается непристойным. Но как можно не видеть?

Втроем они сидят на стульях за столом напротив еще одного мужчины. Все смотрят на меня, но никто ничего не говорит. Моя улыбка все более и более ощущается как нечто неуместное, как зверек, который умер и остался на моем лице приклеенной, мертвой гримасой.

Потом папа соскакивает со стула.

— Кайла, мы так рады принять тебя в нашу семью. — Он улыбается, берет меня за руку и це-